Комс. правда. — 1991. — 10 сент. — С. 6.

Большие деньги для Малого театра

«Менатеп» обеспечил себе место в первом ряду

Мне рассказывал коллега, а ему жаловались французские актеры, будто стоят перед необходимостью осваивать огромные государственные субсидии на культуру и оттого их спектакли начинают утопать в роскоши и меняется качество искусства. Они очень обеспокоены...

Для уха русского актера это мрачный анекдот, черный юмор. Еще никто из наших не утоп и в ближайшее время не утопнет. Но что интересно, качество их искусства тоже неуклонно изменяется. В какую сторону, уточнять не будем, но ясно, не в сторону большей свободы и правды.

При этом мы по-прежнему осторожны и подозрительны.

Что вы скажете, к примеру, если узнаете, что у Малого театра СССР появился спонсор и этот спонсор — «Менатеп»? Юрий Соломин и Виктор Корешков посовещались и решили принять «матпомощь» от «Менатепа», которая поступила сначала в виде предложений от двух спортивного вида молодых людей, а позже вылилась в договор. Банкиры обещают немало: под любые постановки, под гастрольные поездки, а пуще всего — для покрытия социальной несправедливости в отношении актеров и всех работников театра, получающих за труд едва приметное жалованье.

Владислав Сурков, человек 27 лет, зам. директора и член правления, принимает в небольшом охраняемом полуподвале в центре Москвы. Поборов свое отношение к журналистам, систематически посящающим его фирме оскорбительные и весьма смешные (с точки зрения специалистов) версии, он мягко и складно рассказывает: да, им выгодно, вложенные деньги вернутся опосредованно в виде доброй репутации, особого имиджа фирмы, что в итоге скажется и на финансах; да, коллегиальное решение на совете директоров о Малом театре и вообще о культурных программах далось не без борьбы, некоторые банкиры считают, что бросать деньги на ветер не следует... Но, как видите, победило новое мышление.

Хочу так думать. Если тысячи «Менатепа» будут способствовать рождению шедевров Малого театра, то я буду аплодировать «банку». Вот тут уж точно деньги не будут пахнуть. А если выяснится: «Менатеп» все же хранит партийные средства, то и тогда меня будет греть мысль, что мои коммунистические взносы поворотились вдруг сюда.

Сюда, на эти романтические подмостки, где Павел Мочалов потрясал Виссариона Белинского и «Гамлете» и у того волосы на голове шевелились и дух захватывало...

Да, надо, чтоб дух захватывало! Театр повсеместно утратил эту свою главную способность, как-то разменял, распылил себя в суетном политическом холопстве, во множестве компромиссов, что подбрасывает нам наша жизнь.

Итак, слово «Менатепа» не воробей. В театре это поняли. На сборе труппы перед открытием сезона 12 сентября оглашают планы: «Дядюшкин сон» Достоевского, «Обрыв» Гончарова, что-то из Островского, Шиллера и, увы,—«Детоубийца» Ф. Горенштейна, пьеса нашего «бывшего», извлеченная из зарубежья; по мне лучше бы ей там и оставаться (хватит и мрачного, эстетически отталкивающего спектакля вахтанговцев; скопище дикарей и матерщинников оживляют в лицах русскую историю как цепь пороков и предательств). Нет, нет, будь я на месте «Менатепа», не одобрил бы выбора и денег бы не дал.

Однако банкиры пообещали не вмешиваться. Торгующие — вне храма.

А. КОЛЕСНИКОВ.

Москва
Малый театр